

Жанатаман

Нуркенов

СОЛНЕЧНЫЙ ПЛОТ

ПОКЛОНИТЕСЬ

Почему-то другу завидую.
 Понимает ли он эту зависть?
 Безобидную.
 С добрыми глазами.
 Как у меня –
 карими-карими,
 только мужественней, чем у юнца...
 Разве сын
 отвыкает
 видеть во сне отца?
 Жизнь люблю
 горячо!
 Откровенно!
 До самых седин
 любовь сберегу!
 Но проклятая година военная
 у меня в неоплатном долгу.
 На братской
 русской земле Подмосковья,
 где берёзовый полог,
 как знамя, навис,
 Родина
 с материнской любовью
 отцу
 поставила обелиск.
 И тоска моя
 многим понятна,
 и во многих она сердцах...
 О, военных годин ребята,
 поклонитесь
 погибшим отцам!

* * *

Я до сих пор боюсь грозы.
 Не потому, что мокну...
 А капли – каплями слезы
 Текут, текут по окнам.
 Меня никто не обижал,
 Я редко обижался.
 К мальчишке папа приезжал,
 А мой отец сражался...

Прогрохотала та гроза
 Жестоко по сердцам,
 И я ночами звал назад
 Своего отца...

Я до сих пор боюсь грозы.
 Не потому, что мокну...
 А капли – каплями слезы
 Текут, текут по окнам.

МАЛЬЧИК С УДОЧКОЙ

Вот так в Иртыше по колено,
 над таинственной заводью гол,
 я стоял, как сама откровенность,
 в самый солнечный в жизни год.
 Это детство: суровая нитка,
 что для дратвы дед мой припас,
 и крючок, что точильщик с криком
 уступил мне за медный таз.
 И Иртыш уносился в неведомое
 под напевы чайачьих крыл...

«Ты куда же, мальчик?»
 Медленно
 Поднимается в заводи ил...
 «Ты куда же, мальчик? Пстой!
 Начинается просто гроза.
 Это только дождик косой...»
 Чуть испуганные глаза...
 «Завтра папа тебе расскажет,
 как гремит без дождей гроза,
 про солдатскую дымную кашу
 и прощальный над холмиком залп.
 Мальчик с удочкой! Некуда деться?
 Забеги под навес, где причал».
 Мальчик с удочкой...
 Детство, детство...
 И Великой войны начало.

ИРТЫШУ

С детских лет его в душе ношу.
 И когда мне было тяжело,
 Приходил всегда я к Иртышу,
 Где качался в брызгах солнца плот.
 А над ним весёлый чаек гомон –
 Будто нет у них других забот.
 Плотогоны шли вразвалку в город,
 Доверяли нам смолистый плот.
 От плотов – поверженного бора –
 Шла такая светлая печаль!..
 Не вернулись плотогоны в город,
 Затянуло травами причал.

Похоронки –
 Пальцев не разжать! –
 И в Затон, и в Перелет Гусиный...
 Где закат на отмели прижат,
 Польшнули пламенем осины.
 И смолишки слез разбитых судеб,
 Брошенных войной в глухих углах,
 Мой Иртыш волной своей остудит
 И поднимет многих, кто ослаб.

Тишина, какая тишина!
 Синева иртышской непорочность.
 Здесь любовь моя – моя жена,
 И друзья испытаны на прочность.

С детских лет его в душе ношу.
 И когда мне в жизни тяжело,
 Прихожу, как в детстве, к Иртышу,
 Где качался в брызгах солнца плот.

МАМЕ

...И снова ветер бьется в рамы,
 А зимний вечер так тягуч...
 Придет с работы скоро мама –
 И словно солнце из-за туч.
 Хотя ей было не до ласки:
 Война, и нас четыре рта,
 Она волшебницей из сказки
 Для нас во всем была тогда.

Войдёт, суровая, как сводка
 Информбюро в сорок втором.
 Её усталая походка –
 Начало четырёх дорог.
 В печи огонь упруг и весел,
 Она задумчиво глядит...
 Ну, улыбнись же, ну, засмейся –
 Всё позади! Всё позади!

Щедра у матери рука
 И всех наделит равной мерой.
 Достала где-то молока –
 Вступал наш старший в пионеры.
 Прошли года. Всё реже, реже
 Бьет в память отзвук тяжких зим.
 Душа у мамы, как подснежник,
 Сквозь холод радостью сквозит.

* * *

Будто это не со мной случилось,
 Увиденное мною – будто сон:
 Сидела мама как сама кручина,
 И слёзы в хлеб ссыпались, словно соль.

Не голод был тогда мне страшен,
 А боль предчувствия и жалость.
 В морщинах я читаю страшное –
 И сердце, как пушиночка, сжималось.

Всё это было. Пусть больём
 Позарастёт и канет в Лету...

Но где-то чья-то мама слёзы льёт,
И жизнь детей на острие ракеты.

И потому я беспокоен по ночам,
Пока над миром носятся ракеты.
Во мне Сонгми, во мне живёт Вьетнам
И города, что вписаны в планшеты.

Будто это не со мной случилось,
Увиденное мною – будто сон:
Сидела мама как сама кручина,
И слёзы в хлеб ссыпались, словно соль.

ПИКУЛЬКИ

Далёкий день далёких лет.
В зените детство и жара.
Краюха хлеба на обед
Для всех мальчишек со двора.
А в палисаднике с акаций
Свисали взбухшие пикульки –
Наш инструмент без вариаций:
Из них мы делали свистульки.
О, как пронзительно свистел
Наш музыкальный примитив!
Кого он звал? Чего хотел?
Незауряднейший мотив!
Да, это было так давно,
Впервые мы свистели вдоволь.
А в каждом доме за окном,
Глядя на нас, вздыхали вдовы.

ДЯДЯ МИША

Ветерану войны
Михаилу Тараканову

Мы сидим, хоть ночь уже завесила
Над городом экраны звездных снов.
Он говорит о молодости песенной,
Начавшейся далекою весной.
Он говорит о молодости песенной –
В его судьбе ветров полынных накопий.
А в комнату, уютную и тесную,
Идут друзья, отбившие атаки.

Не шелохнувшись,
Вглядываясь пристально
В глаза друзей его – однополчан,
Вдруг узнаю, что на далекой пристани
Кому-то больше некого встречать.
А на висках его седая намёт –
Прошедших лет прощальный сувенир.
Я ухожу, твою встревожив память.
За это, дядя Миша, извини.
Я ухожу. Восток уже алеет.
Встает рассвет над стройками страны.
Пусть люди уж от творчества седеют,
Чем от печальных ужасов войны.

* * *

Я не дарил тебе кольца
обручального.
На свадьбе не было отца –
и не случайно...
Несла счастливой счастье мне
легко и просто.
А свадьба в песнях и в вине
катилась вдосталь...
Несла счастливой счастье мне.
Годами ранее
отца в пути настиг свинец –
шёл на задание.
И не для красного словца
и пышной фразы
Зову я батею отца
голубоглазого.
На свадьбе не было отца.
И не случайно
я не дарил тебе кольца
обручального.
У нас особое кольцо,
дороже золота,
добыто буднями отцов –
серпом и молотом.

* * *

Всё дальше мы от той войны жестокой,
Но память позабыть нам не даёт
Пробитую у сердца гимнастёрку,
Что сильным телом брошена на дзот.

Одни ушли и больше не вернулись,
Другие искалечены навек...
О, добрый мир, скажи мне: не в войну ли
Теряет всё земное человек?

И осудить мы вправе иноземцев,
И воспевать героев той войны,
Которые одним огромным сердцем
Закрыли гул для вечной тишины.

Пускай в тиши всегда заря алеет,
Пусть будет мирным путь моей страны,
И люди пусть от творчества седеют,
А не от страшных ужасов войны.

Пусть будет гул – но только космодрома,
Пожаром будет – только листопад,
И на Земле пускай над каждым домом
Не «першинги», а голуби летят.

ОНА ЗВАЛА СМЫЧКОМ И СТРУНАМИ

Памяти блокадницы
Гильды Эрнестовны Кромер

Проходят дни, уходят годы
В заботах, в песнях, в синеве.
Но иногда седым аккордом
Приходит в память человек.

...Молчат натянутые струны,
Но вот по ним скользнул смычок.
Скрипач на сцене юный-юный,
И россыпь звуков над плечом.
Какая ясная тоска!
И счастье в звуках откровенно.
Как будто то, что я искал,
Найду сегодня непременно.
И мир, светлея, рушил зло
Без войн, без выстрела и крика.
А в душах щедро и светло
Поёт про будущее скрипка.

И этим звукам в глубине
Рядов, задумчиво кивая,
Перебирая память дней,
Внимает женщина седая.
Аплодисменты горячи,
И зал клокочет от оваций...
Как трудно музыке учить!
Еще труднее расставаться.

Проходят дни,
Уходят годы
В заботах, в песнях, в синеве.
Но иногда седым аккордом
Приходит в память человек.
Её волос мы помним иней
И помним, как в руках её
Скорбел и плакал Паганини –
Он до сих пор в сердцах поёт.

...Война мальчишек истощила,
Но жили мы мечтой крылатой.
Она нас музыке учила,
Полуголодных и в заплатах.
И как учила!
Чутко, страстно,
Вживаясь в каждый полутон.
Она – Бетховен, Моцарт, Штраус,
И скрипок наших камертон.

Она звала смычком и струнами.
Мы помним, как в руках её
То плыли витязи на стругах,
То Венский лес шумел листвою.

Проходят дни,
Уходят годы
В заботах, в песнях, в синеве.
Мой сын уже читает ноты –
Спасибо, добрый человек!
И где-то в зале, в глубине,
В его таланте убеждаясь,
Перебирая память дней,
Внимает женщина седая.

